силлаботоники. Силлабическая же ее специфика состоит в том, что в слоговом составе народного стиха значительную роль играют «восполнительные частицы»: *как, уж, что* в начале двух стихосоставляющих фраз, *бы, же, ли, ка, то* в конце, ведь и да как в начале, так и в конце. Это тоже общеизвестно: но здесь Бейли впервые приводит статистику расположения этих частиц по слогам стиха, и она очень интересна — в частности, видно, что вторая фраза стиха (во всех размерах тяготеющая к пятисложию) чаще состоит из полнозначных слов, а первая чаще пользуется частицами, восполняющими стих до требуемого размера. При этом легко видеть, что с помощью этих частиц певец без труда может уложить один и тот же текст в любой из наших размеров. Например, образец 2-иктного акцентного стиха, процитированный нами вначале, легко может быть унифицирован, скажем, как 4-стопный хорей: «Ты взойди-ка, красно солнышко,/Над горой да над высокою,/Над долиной над широкою,/Обогрей нас, добрых молодцев,/Добрых молодцев, разбойничков...» Фольклористы хорошо знают песни, варианты которых только благодаря таким частицам звучат разными стихотворными размерами: сам Бейли исследовал образцы таких песен в своих прежних статьях. Здесь это важно, потому что позволяет наметить генетическое соотношение между разбираемыми размерами.

Считается (после А. Мейе), что общеиндоевропейский стих был силлабическим и имел два основных размера, короткий и длинный, 8-сложный и 10- (и/или 12-)-сложный. Удлиняясь, укорачиваясь, ритмизуясь на разный лад, они порождают в разных стихосложениях самые разнообразные размеры. Каким образом — показать очень трудно: это область гипотетических реконструкций. Скептики (например, Э. Кампаниле) иронически замечают, что пра-размер, так легко способный то удлиняться на слог, то укорачиваться на слог, вряд ли можно называть силлабическим. Исследования Дж. Бейли особенно интересны потому, что они именно позволяют наглядно увидеть, как происходит этот переход от размера к размеру, правда, не на общеиндоевропейском, а на более позднем, славянском материале.

Считается (после Р. Якобсона), что общеславянский стих унаследовал от общеиндоевропейского 8-сложный и 10-сложный размеры, причем с симметричной цезурой (4 + 4, 5 + 5) они были преимущественно лирическими, а с асимметричной (5 + 3, 4 + 6) преимущественно эпическими. Далее, при переходе от общеславянского к восточнославянскому стиху эти размеры, во-первых, силлаботонизировались (хореизировались), во-вторых, утратили цезуру, а в-третьих, нарастили слог и приобрели дактилическое окончание. (Дж. Бейли, кажется, сомневается в этом и предпочитает сопоставлять русский 4-ст. хорей с дактилическим окончанием не с 8-сложником, а с 9-сложником в других славянских языках.) 8-Сложник с остатками цезуры 4 + 4 превращается в 9-сложник с тенденцией к фразоразделам 4 + 5 или 5 + 4. Этот асимметричный стих стремится симметризоваться — так возникает стих 5 + 5 с дактилическими окончаниями в каждом полустишии. Стих этот, по-видимому, не прямой наследник общеславянского 5 + 5, а позднейшее, специфически русское явление: в других славянских языках 5 + 5 по большей части имеет женские окончания в полустишиях. (Дж. Бейли не говорит прямо об этой вторичности русского 5 + + 5, но такой вывод напрашивается из всего его материала.) А далее наступает тонизация: утрата ощущения равносложия, смешение 4-стопного хорея и стиха 5 + 5 в 2-иктном тоническом размере и дальнейшее расшатывание этого размера.

Считалось (после Н. С. Трубецкого), что тонизация русских народных размеров была следствием падения еров: слоги с ерами исчезали из стиха, строка укорачивалась, равносложность терялась. Дж. Бейли решительно оспаривает это утверждение: певцу ничего не стоило восстановить равносложность с помощью восполнительных частиц. Более того: он приводит обширные подсчеты по разным видам акцентного стиха (с преобладанием 2-стопного анапеста, с преобладанием 4-стопного хорея, с преобладанием стиха 5 + 5...), и всюду оказывается: большинство отклонений от ритмической основы — не в сторону укорочения строки, а в сторону ее удлинения (конечно, опять-таки прежде всего с помощью восполнительных частиц). Это расшатывание силлабики в сторону удлинения — специфически русское явление, и притом позднее: в украинских и белорусских песнях (впрочем, подвергшихся влиянию польской силлабики) силлабика сохраняется. Дж. Бейли связывает эту ритмическую русскую инновацию с музыкальной русской инновацией — протяжной песней с ее многократными повторами частей стиха. В других славянских языках такой манеры исполнения нет; в России она возникла (по И. И. Земцовскому) в XIV—XVII вв.; к этому же времени следует отнести и тонизацию русских песенных размеров. Такая гипотеза представляется очень интересной и убедительной.